

ЛЕДОВЫЙ МАРШРУТ

РАССКАЗ

... плохо начинается — хорошо кончается...

Вездеход выполз на колею, побежал вдоль сопки. Любимая присказка внука запуталась в мыслях Роберта, не покидает его... плохо начинается — хорошо кончается... Рассчитывали управиться за двое суток — разменяли четвёртые. Половина работы впереди. Спасибо напарничку... помог! На сухом русле по капот зарылся. Полдня собаке под хвост. На Рыбной с полным кузовом мяса опрокинулись... На озере грузились — пропал вместе с шефом. Сопки попутали! Последняя поездка у мальчика. Перевести вездеходчика в рабочие — любимый приём у Заболоцкого. Изба на Пясине всегда свободна. Четыреста километров от города. Согласится Андрюша — тут ему и конец.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Заболоцкий скоро и шефа в рабочие переведёт. Кому нужны его знаменитые статьи? Начальство не в журналы — в руки смотрит. Разве это хозяин? На Рыбной такое! стадо — о чём думать?! Все дела побоку. Это же детский лепет: план поездок менять не буду, без отчёта с Дудыпты статью не примут. Хорошо, Заболоцкий с ним не чикается: — Зарплата нужна?!.. Запчасти нужны?!.. Надеялся улизнуть от общего дела. Не вышло. Если задержат, вместе с механиком Робертом Вигонтом по милицейским кабинетам пойдёт не главный инженер Заболоцкий, а начальник экспедиции...

...плохо начинается — хорошо кончается...

Могло быть и хуже. Ни ветер, ни случайный вертолёт не рассеяли оленей по тундре. Теперь на Рыбной праздник. С трёх буровых народ собрался. И не тесно. Изба безразмерная. Дух стоит, как на армянском базаре. В кузове двадцать оленьих туш. Ещё сотня осталась в избе, в «раздевалке». После Тамариной браги с багульным корнем никто сутки спать не будет. К полудню мясо уложат на чердаке. Все лишнее — в могильник. И ни кровинки не останется на снегу вокруг избы. Только бы красноярские хулиганы Костарнов и Ложкин не придумали номера откалывать.

Пока на вешалах он и во главе. Оба, как ошкуи. Руки — что брёвна. Раздевают оленей, как кроликов. Костарнов — ненасытная утроба. Жрёт бычьи яйца ведрами. И два ведра глаз наковырял. Не пришлось бы ему брюхо, как оленю, вспаривать.

А Ложкин явно вознамерился снова изнасиловать Тамару. И Васька, ее муж, будет пулять в него из карабина. Если ничего такого не произойдёт, всё будет «эс вирт клапен!!!»

...плохо начинается — хорошо кончается...

Волчий час — половина четвёртого ночи. Пост милиции на развилке появится к девяти.

— Успею, — думает Роберт, — если проскачу сухое русло. Все лето талдычил начальству: «Перебросьте мосток по теплу. Полтора десятка шпал всего и требуется...»

Вездеход остановился там, где бесталанно в яме елозил Андрюша. Ни заехать теперь, ни выехать. Слева над снегом высохший водопад. Пройти можно справа, со стороны гор. Роберт вышел из кабины, расстегнул полог кузова, вытащил из-под оленьих туш бензопилу и пошёл вверх по склону к деревьям, проваливаясь в снег по пояс. На ходу обдумывал работу. Цепь на пиле новая. Четырех сосен хватит. Разворачиваю машину, растягиваю лебедку, вытаскиваю стволы на дорогу...

Морозило и совсем не дуло. Полная луна пробивала ночной сумрак. Деревья падали в снег, как в постель. Лапник только ухал! Роберт заглушил пилу и пошёл вниз к вездеходу. Когда стоял на гусенице и сбивал с унтов снег, краем глаза уловил на дороге колышущуюся точку. Она быстро приближалась. — Как будто никого не обгонял, — подумал Роберт. И, на всякий случай, вытащил из-под сиденья карабин. Уже виден рюкзак над головой человека, на плечах постромки, за фигурой — нарты. У вездехода лыжник остановился. Ростиком небольшой. Лет тридцать с хвостиком. Куртка ярко-красная, штаны оранжевые. Турист? В тундре полно волков. Поодиночке туристы не ходят. Промысловик? Охотник таким попугаем не нарядится.

— Здравствуй!

— Здорово.

— Стою в распадке... вездеход прошел. Пила затрещала. Помощь нужна?

— Не откажусь, — неожиданно для себя легко согласился Роберт. Вдвоем растянули трос. К упавшим деревьям пошел незнакомец. Лыжи, оклеенные камусом, на склоне не скользили. — Парень не Шварценеггер, — думает Роберт, — внук, восьмиклассник, тот покрупнее. Но этого и со спины за подростка не примешь. Уверен и краток в движениях. Ловко работает мужичок.

Лебёдка легко трогает дерево. Оживают и плывут к дороге сугробы. Роберт приглядывается к незнакомцу. Несуетлив, благожелательный. Даже слегка как бы не от мира сего. Но тундра любит осторожность. Сейчас, в самое глухое время полярной ночи, к городу со всех сторон подкрадом тянутся шатуны-старатели. Идут с рыбацких точек. Намыли золотишко. Набрали интересных камушков. Да и с партией песцов-соболей в вертолёт не сядешь. Неделями уютжат тундру. Избушки обходят. Человека шарахаются. Страх у них, как мина в мозгу. Для такого стрелнуть во встречного или в вертолёт ничего не стоит. Этот на шатуна не похож. Но чаще будешь оглядываться, целее будешь.

Распилили хлысты... Понесли к переправе брёвна. Незнакомец уверенно становится под комель. Дерево сырое, тяжёлое. Обледеневшее. Три четвёртых веса лежит на мужичке. А надрыва не видно. Что за рычаги у него под курткой? Малыш не так прост. Чем занимается в городе?

Бросили последний накат. Скрепили скобами. Стали грузиться. Роберт тронул ногой нарты. О-го-го! Неплохо упакован парень.

— Бульжники везёшь?

Мужичок и не думает скрывать:

— Песок... камушки.

— Высажу перед городом, — твёрдо решает Роберт. «Оленину» Заболоцкий отмажет. С золотишком прогремишь на весь край.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Осторожно, на самом малом ходу, перевалили через мосток. И машина покати-лась вдоль гор. Роберт снял шубу — в кабине тепло. Выложил Тamarin завтрак, завернутый в фольгу и ватин. Мясо ещё парило. Пожевали.

— Давно идёшь?

— С осени...

Роберт пристально посмотрел на пассажира.

— В круг попал?

— Не пойму... В круг или в треугольник...

— Издалека?

— Могу сказать: с Енисея. Можно — с Хатанги...

Роберт еще раз удивлённо осмотрел спокойное лицо попутчика.

— Если с осени — я бы песочек выбросил. Жизнь дороже.

— Камушки, — зевая, ответил незнакомец, — я для веса тащу. С чем из города вышел, с тем должен в город вернуться. Тепло его здорово разморило. Он засыпал. Внезапная догадка заставила Роберта резко притормозить.

— Не ты в прошлом году в одиночку на побережье двинул?

— Я.

— Василий?

— Василий.

Роберт уставился на мужичка. Вот так попутчик! Не таким его представлял.

— Неделю назад твоих по телевизору показывали. Детей трое?

— Четверо...

— Просили — найдите папу.

Василий улыбнулся.

— Моим не привыкать. Да вот полтора месяца прогулял. В тундре справок не дают. Как бы не уволили...

— Четверо детей... не уволят, — рассудил Роберт. — Тебя на Хатанге видели...

Он повернулся к Василию. Тот не ответил. Спал.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Хатанга... Хатанга... чум на берегу реки... Когда это было? Еще до рождения дочери. Седая старуха топит печку травой и рыбой. Проводник, нанявшийся к геологам за флягу солярки, одуревший, в слюнях и чешуе, валяется на шкурах. Родственники, как бакланы, провонявшиеся рыбой, сидят на раскладушках. Не дом — рыбзавод, где по-настоящему никогда не мыли. Проводника теперь не поднять. Другого не найти. Солярка уже в чуме. По закону этого народа никто уже никому ничего не должен. Радостно возбуждённый этим обстоятельством и угощением геологов, старик-хозяин вычерчивает на бумаге маршрут для дорогих гостей. Жирная линия вдоль края листа — большая река. Рядом кружочки — чумы. Параллельно ей другая река. И много-много квадратиков. Это отделение совхоза на Енисее. Старик соединяет два поселка одной линией.

— Наши бабы с их реки. Их бабы — с нашей реки. Дорога невест. Здесь, — тычет он в середину маршрута, — шибко хитрое озеро. Царство куропаток. Их царица живет. Глазастая, как городская собачка. Кто ей поверит — никогда дома не будет.

— И что делать? — спросил Роберт.

— Прямо ехать. Царицу стрелять — куропаток стрелять. В туман стрелять...

— Дед охренел, — хихикнул напарник Роберта. — В воздух палить? Патроны трать?

— Дальше поедешь, — продолжает старик, — большая река будет. Можно чум ставить, рыбу ловить, молодой бабе ребёнка делать...

Старуха у печки вскидывается. Три коротких презрительных слова летят в мужа. Роберт понимает их как — «старый дурак!» На раскладушках оживление. Старик подбоченивается. Глаза хитреют. Наверное, так и было у них лет пятьдесят назад...

Машины тогда были новые. Погода «лётная». Среди снежных застругов четко просматривались плешины накатанного зимника. По ним и шли. За двое суток проскочили десяток нешироких речушек и несколько неогигаемых, похожих на реки, озёр. До озера с острым мыском дошли без приключений. За мыском озеро заворачивало почти под прямым углом. Дальний берег парил. Впечатление было

такое, как будто под сугробами скрывалось небольшое сельцо и хозяйки дружно топили. — Тёплые источники, — подумал Роберт.

Достали бур. Измерили лёд. Убедились, что ехать можно. И уже когда тронулись, Роберт вспомнил слова старика и подумал, что сейчас увидит нечто сверхъестественное, и ему стало немного не по себе.

Прибрежный «дымок» был тяжёлый. Высоко не поднимался. Плотной полосой стекал в неширокий распадок. Туда же уходил и едва различимый зимник.

Вездеходы пошли на подъём. Видимость несколько снизилась. Воздух был сладковатый. Открывалась широкая лайда. Дорога вела к горному кряжу. Почему он не был виден с другого берега? Если это горный массив, ехать прямо было бы безумием. Роберт открыл двери, оглянулся на идущие за ним машины. Оба вездехода поворачивали влево, туда, где долина освещалась робким февральским солнцем. Высокие тальники, как вешки на снежной пустыне, показывали путь в обход каменных нагромождений. Роберт ещё раз взгляделся в абрис гор. Очертания их несколько изменились. — Это не скалы!.. Он выскочил на снег. Взмахами рук остановил вездеходы. Было не холодно, но лица у всех стали серыми, как в пятидесятиградусный мороз. Сменщик, который жалел патроны, почему-то стоял с карабином.

— Смотрите на сопки, — сказал Роберт, — они дрожат. Это туман. Надо ехать прямо...

— Поедем туда, откуда можно выбраться.

— Вы с ума сошли...

— Ты сам рехнулся...

— Вспомните, что сказал старик. ..

— Ты, фриц недобитый! — взъярился вдруг напарник, — не вздумай слинять с продуктами. Зарою в снег. Вас всех надо было в снег зарыть!

Им явно овладевал страх обречённости.

— Стреляй, — сказал Роберт и пошёл к машине.

— Предупреждаю! — раздалось сзади. И... выстрел!!!

И сразу как будто сугробы поднялись вверх, как будто порыв снежной бури накрыл людей. Сотни куропаток снялись и заполнили пространство вокруг. Ни до, ни после Роберт не видел такого количества птиц. Это было необъяснимо прекрасное и жуткое зрелище. Он не раз охотился на эту глупую птицу. Бывало, десяток убивал, прежде чем снималась вся стая. Не мог один выстрел поднять их всех сразу. Птицы без единого взмаха крыльев взмывали ввысь, но потом, словно подхваченные неведомым порывом, пикировали на вездеход. Если бы вместо стальной машины были олени или собаки, они сошли бы с ума от налётов пернатых камикадзе и вдребезги разнесли бы нарты. И вдруг Роберт за стеклом увидел почти человеческие глаза совы. Птица пристально посмотрела на него и исчезла. Он выставил в окно карабин и стал стрелять, следуя совету старика. Машина не проваливалась. Сугробы садились. Кряж исчезал. Уходил в сторону. Через несколько сот метров и куропатки исчезли. Оба вездехода шли за ним. Пробежав пару километров, Роберт остановился. Все собрались у его вездехода. Смотрели друг на друга. Что это было? Оказалось, все пятеро видели сову с человеческими глазами. Тому, кто стрелял, померещилось, что сова сказала: «Давай патроны!» Он снял патронташ и выбросил в снег. Все, кроме Роберта, смеялись до колик. Роберт стоял, сжав кулаки. Голова болела. А когда пришли на базу, настояя, чтобы напарника убрали из экипажа.

— Не исключено, — прикидывает Роберт, — что и Василий попал в ловушку на «дороге невест». Что с ним было? Когда пройдем милицейский пост — расспрошу.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Последний подъём перед развилкой, восемь двадцать утра. Трое суток не было ни снега, ни пурги. Даже снегоочистительной техники не должно быть на

площадке. Вездеход взлетает на взгорок. То, что видит внизу Роберт, заставляет его резко притормозить. Две милицейские «мигалки» и «рафик» с надписью «Телевидение» ждут свою добычу. Его заметили. Машут жезлом — иди сюда, дорогой! И вездеход на малых оборотах катит вниз навстречу неминуемой беде.

Машины чужие и «менты» незнакомые. Лейтенант, чья машина две зимы стояла в гараже экспедиции, отвернулся, не замечает Роберта. К вездеходу идёт грузный майор. Молодой сержант заходит за машину справа. Будет проверять кузов. Майор крутит в руках путёвку.

— А это кто? — указывает на Василия.

— Василий... известный путешественник.

— Кто? — переспрашивает майор и трогает жезлом плечо Василия.

Тот просыпается, моргает. Одаривает всех: и майора, и подошедшего журналиста добродушной улыбкой. Ищет под курткой документы. Журналист ошарашенно смотрит на Василия. Снял и протёр очки. Снова одел.

— Вот так штука! Я тебя проводил и я тебя встречаю. Тебя весь Таймыр ищет, а ты путешествуешь автостопом.

— Да, — сказал Василий, — путешествую...

— На Сухом ручье подсел, — уточнил Роберт, — помог переправу навести. Без него не знаю, что бы и делал.

Молодой милиционер отстегнул брезент и заглядывает в кузов. Суетливо ищет фонарик. Освещает всё, что там нагромождено. В лучах фонаря мелькает его довольная физиономия.

Телевизионщик зовёт операторов и увлечённо поясняет майору, что Василий скоро пойдёт на Южный полюс. И три месяца одиночного путешествия по тундре для него обычная тренировка. Подходит сержант. Наступает самый драматический момент рейса. Журналист остаётся для Роберта последней надеждой. Он тихо шепчет Василию: «Спасай, браток!» — и ведёт операторов к нартам с песком. Василий оказался сообразительным человеком. Распаковал поклажу. Прояснились такие детали путешествия, что Роберт на миг забывает и о милиции и об оленях. Телекамеры работают. «Вот это сюжет!» — восхищается очкарик. Майор отзывает его в сторону. Оба о чём-то энергично спорят.

— Вы не должны этого делать, — доносится до Роберта.

Вытащили «мобильники». Разговор с городским начальством идёт непросто. Минут десять стоят друг против друга, как петухи. Наконец журналист хлопает майора по плечу и оба идут к вездеходу.

— Обещаю, — заверяет очкастый, — через три дня увидите всё по ОПТ. Вся страна увидит.

Операторы ставят рядом Роберта, майора и Василия. Майор в центре. Василий не достал ему до плеча. Операторы предлагают путешественнику запрыгнуть на гусеницу. И кладут руку майора Василию на плечо. Всем троим приказано улыбаться.

— Ну, Вигонт! — говорит майор после съёмки, — ещё раз попадётся, увидишь и Северный полюс, и Южный.

Вездеход, как на крыльях, летит к городу. Бывают же в жизни чудеса!!!

...плохо начинается — хорошо кончается...

Домой Роберт попал только к обеду. Долго выгружали мясо. Поставил и бегло осмотрел вездеход. Снова вернулся в склад. Отрубил задок оленя. Набросал ведро рыбы. Отнёс в УАЗик шефа.

— Из своего берёшь? — спросил, косясь на Василия, кладовщик.

— Из общака. Если бы не он, всё это сейчас варилось бы... в столовском котле.

А я бы сидел в «обезьяннике» ментовском.

Поехали к Василию. Занесли в квартиру его долю. И домой!.. Как всегда, в этот час дома никого. Уснуть бы... Небогатая квартира Василия, четверо детей,

старенькая мебель, гитара на тряпичном коврикe не даёт ему покоя. Всегда думал: именитыми путешественниками становятся состоятельные люди. Оказывается, важнее не упустить время. Не перегореть. Сорок лет назад он не сомневался, что пойдёт через полюс в Америку. Убежит из страны. Для этого и приехал в пятьдесят шестого нужда в побеге отпала. Но остановиться уже не мог. Хотелось доказать всем, что это возможно. И если бы не встреча с будущей женой, наверное, доказал бы.

Потом родилась дочь. И он стал думать, что можно не вернуться, остаться во льдах. Нельзя было оставить семью без приличного состояния. Снова копил деньги. И, где-то уже в тридцать пять, вдруг осознал, что для самоуважения ему достаточно служебных поездок по тундре на вездеходе. А в сорок он понял, что броска через полюс не будет никогда.

А началось всё с потерявшего рассудок на Крайнем Севере деда, Карла Оттовича. Его привезли доживать к старшей дочери Грете, матери Роберта, в таёжное село на Чулым. «Сынок, — говорил он внуку, — копи деньги. Купишь большой бинокль. Ты первый увидишь их...» он скрипел чёрными корнями зубов и бесслѣзно горевал о чём-то несбывшемся. Роберт любил деда. Жалость холодной волной обволакивала всё внутри. Слов деда не понимал и не придавал им значения. Душевнобольные всегда живут в непонятном для других мире. Но, со временем, периоды тяжѣлого безумия становились короче. Дед отходил от недуга. И тогда Роберт узнавал страшную историю своей семьи.

Отца в сорок первом затолкали в вагон неожиданно, в чём стоял. Так и сгинул в бескрайних просторах за Уралом. У деда на сборы были сутки. Мудрый дед от многого отказался. Но взял плотницкий инструмент, рыбацкую снасть и мамину швейную машинку. В вагон для перевозки скота вместился почти весь их небольшой хутор. Немного осталось в памяти Роберта от того двухнедельного «турне». Помнит, что спали рядом с туалетом. За ширмой, на ведре, постоянно кряхтели и пугали. «Дед, — просил Роберт, — меня дразнят, что я воняю. Три человека умерло. Давай перейдём на их место.» Дед сидел на полушубке. Полушубок лежал на рыбацкой сети. В одну сторону свисала бахрама от грузил. В другую — бахрама из поглавков. «Пусть смеются, — ответил дед, — Ты хочешь, чтобы бабушка от духоты умерла? Пойди, посиди там.» Роберт пошёл и понял, что дед прав. «Пусть смеются, — рассудил он, — здесь воняет больше.» Спал он вместе с тётей Ирмой, старше его на десять лет. В жару Ирма была прохладной, как вода в пруду. Когда в Сибири попали в буран и не хватало соломы согреть вагон, Ирма стала тёплой, как брюхо коровы, которую они оставили дома в изгороди. «Как ты это делаешь?» — спрашивал Роберт. «Все женщины так умеют», — смеялась Ирма.

Была она непонятно какой: то ли рыжей, то ли белой. Вся в веснушках. Даже глаза. И все веснушки смеялись. Роберт мог смотреть на неё часами.

Через много лет мама расскажет ему, что у деда под сетью была проломлена доска. Об этом не знал никто, ни односельчане, ни сопровождающий теплушки. Когда становилось душно, дед незаметно открывал «форточку» и через сеть в вагон поступал свежий воздух. Через пролом в полу на остановках он прослушивал случайные разговоры у вагона. О том, что в Ачинске будут высажены двадцать пять женщин для работ на таёжной ферме, дед узнал задолго до этой станции.

Мама Роберта, Грета, неминуемо попадала в их число. Ирму деду удалось «отбить». Ей было только шестнадцать. «Уж лучше бы пошла со мной, — жалела потом мать, — как-нибудь, да выжили бы».

...плохо начинается — хорошо кончается...

Три телеги на вокзальный перрон в Ачинске пригнал однорукий мордастый возчик. Погрузили вещи, посадили детей. Не всем хватило места. Роберт половину

сорокакилометрового пути прошёл, держась за мамину руку. По чёрным грязным улицам выползли на поле. В чернозёме тонули колёса. Надрывались вместе с лошадьми, выкатывая на твердь телеги. Вдоль Чулыма дорога пошла каменистей. Въехали в тайгу и сразу увидели работу недавней бури. Сосны лежали полосой. Немало поперёк дороги. Возница извлёк старые вожжи. Деревья охватывали за вершины и разворачивали вдоль колеи. «Не ленись! — покрикивал возница на женщин и сам тянул что есть мочи, — дождь пойдёт — детей загубим...»

Роберт пробовал помогать маме. Потом шёл, держась за её руку, пока не уснул. Разбудила тряска. Приснилось, что им с мамой нужно стянуть на обочину дерево. «И-и-и-эх! — стал кричать изо всех сил мальчик, — не ленись!» И проснулся. Наяву было — как во сне. Снова женщины освобождали проезд от повала, а возница командовал ими. Роберт сполз с телеги и стал рядом с мамой.

Вечером появился ветер и пошёл холодный дождь. Выпрягли лошадей. Ночь просидели под телегами. Снова шли по раскисшей дороге. Зашли в кедровник, остановились, набрали шишек. Стало веселее. Несмотря на усталость, темнота тайги не пугала Роберта. Высокие кусты красной смородины, как костры, горели среди деревьев. Обочина была усеяна грибами. Из кустов выпархивали крупные тяжёлые птицы. Два раза на дороге выскакивали козы. Видели лося. «Зимой, — радовался мальчик, — приедет дед. Сделаем лыжи. Купим ружьё, пойдём на охоту. Летом с бабушкой и Ирмой будем ходить за грибами. Ирма увидит, как легко прыгают козы и будет смеяться».

Ещё одну ночь спали под телегами. Наутро небо очистилось, тайга зарыжела, засияла. Выпал тёплый, почти летний денёк. Чулым отошёл влево. Тайга — вправо. Начались бескрайние луга. Дошли до большого стада коров. А вот и коровник с изгородями вокруг. Из одного из них, над которым красный флаг, вышел враскоряку невысокий старик. «Гутен таг, — сказал он на немецком, — меня зовут Фердинанд. Идём пить чай».

Слова старика произвели на женщин необыкновенное действие. Они плакали, целовали Фердинанда. Потом пили чай с ягодой и молоком, но недолго длился нечаянный праздник. Со скорбью глядя на измученных женщин, старик сказал: «Скоро из села придёт паром. Надо нести молоко. Если не пойдём, расценят как саботаж. И расстреляют.»

...плохо начинается — хорошо кончается...

В девяносто шестом году Роберт приезжал в село хоронить мать. В семье дочери от второго брака старуха дожила до восьмидесяти пяти лет. Хоронили на немецком участке кладбища. Между могилами дедушки и отчима. После похорон Роберт взял у свояка ружьё, лодку и поплыл на другой берег. Красота летней тайги ошеломила его. На ферму не пошёл. Отметил только, что пустые коровники почернели и осели. Трава и немалые уже деревца, как домкраты, завалили строения в разные стороны. Знакомая тропа вдоль быстрой Гремячки не заросла. Поднялся по ней в тень сосен. Вершины млеют от зноя. Стволы золотятся. На затаившихся шрамах, нанесённых деревьям сборщиками живицы, как бриллиантами, сверкают капельки смолы. Спустился в груздевый лог. Лесной ковёр, как и прежде, вспучен тысячами чёрных красавцев. Повернулся к черничникам. Через каждый десяток метров из-под ног срываются рябчики. Прилёг, чтобы не смять кусты. Стрельнул глазом под листья по склону. Чёрный стоит склон. И птицам, и человеку — всем хватит. Далее вверх, к Красному камню. А вот и просека. Мать писала: «Начали геологи ЛЭП, да бросили».

Прямо на Роберта, расправив широкие крылья, тяжёлый как индюк, летит глухарь. Ш-ш-ш! — над головой. За ним снова — ш-ш-ш! И ещё, и ещё. Что у них, гонки что ли? Стоял, замерев. Сколько раз такое вспоминал на Севере. Под камнем внизу — малинники. Вытащил из футляра бинокль. Ага! Одна чёрная спина, вторая...

Медведи лакомятся павшей малиной. Ничего с тех пор не изменилось. На двадцать вёрст видна с Камня тайга. В детстве ходил и за пятьдесят. Тёмные массивы на склонах — это кедрач. Чуть светлее — сосняк, берёзы. Там и белка, и соболь, и медведь, и марал. И везде — ягоды, грибы. Брусника, черника, малина, заросли смородины. Леса черёмухи, шиповника, боярки. Покосы нетронутые. В поймах — чернозём на лопату. Чулым полон рыбы. В прогретых солнцем мелких старицах можно смотреть рыб, как в аквариумах. На дне Чулыма антрацит, как булыжники, катается. И нефть, говорят, нашли. Половина человечества за счастье почитала бы жить в таком краю. Если бы с умом да с заботой о человеке, а не так, как было. Навешали на баб и дойку, и мойку. И навоз, и сено, и воду, и дрова, и снег. И детей, и огороды, и бидоны те проклятые, что все жилы вытянули, все внутренности им попортили. Побила работа женщин, как град пшеницу. В первый день стали бабы падать. Отнесли бидоны на пристань, упала одна и не встала больше. Сгорела на соломенном тюфяке, как бабочка на огне. Потом пришла очередь Фердинанда. Несчастный старик, разлучённый с семьёй, мучился многими грыжами. Вены и жилы на руках и ногах выпирали, как зашитые под кожу мячики. Мошонка висела почти до колен. Бандаж на поясе успокаивал грыжу кишечника. Прямую кишку пальцем в зад заталкивал. Насмерть был подорванный человек. Нетяжёлый делал работу. Отбивал литовки, следил за упряжью. Плотничал. Берёгся как мог. Да, случилось, забылся. Ринулся, не дожидаясь женщин, поднимать завалившуюся телегу с сеном, и умер в одночасье. Что-то разорвалось внутри.

Половина доярок — русских, немок, беженок-белорусок — за войну под берёзы полегла. А после войны стали умирать от рака. До шестидесяти немногие дожили. А до восьмидесяти, кроме мамы, никто. Винили воду. Потом слухи пошли о неизвестных испытаниях в тайге. Но, годы спустя, встретил Роберт немца, сосланного в Казахстан. И у них рак всех баб на фермах покосил. Надорвались люди. Маму спасла швейная машинка. Полгода была скотницей. Потом посадили народ обшивать. Конечно, пособила и красота её породная. Горько об этом вспоминать, но не раз Роберт прихватывал бригадира в своей комнате. В одном исподнем. Бригадир утонул — участковый стал захаживать. Потому и старое ружьецо подарил подrostку, чтобы реже малец дома бывал.

Случилось, подслушал Роберт мамин разговор с Богом:

— Майн Гот! Помилуй меня, грешницу. Честно тебе признаюсь: боюсь болезни этой страшной и сына не могу одного оставить на земле. Помилуй и прости меня, Господь наш.

Может, и услышал Бог молитву грешницы Греты?

...плохо начинается — хорошо кончается...

Деда с семьёй в Красноярске посадили на пароход и повезли вниз, на Север. Навстречу бежали берега. Вначале лысые сопки, лесостепь. Километров через сто потянулась тайга. Тёмная вода за бортом неслась быстрее парохода! «Вот так течение! Вот так сила!» — удивлялся дед. И радовался, что угадал, взял сети. В редкие тёплые часы стояли с Ирмой на палубе и приглядывали на берегу местечко поудобнее для жизни. Вон на горке домики рассыпаны. И причал есть. Не здесь ли нас высадят? Нет, несётся пароход мимо...

Прошли Енисейск... Туруханск... Зелени стало меньше, желтизны больше. Остановились в Игарке. Грузили стройматериалы. Дед щупал игарскую землю. Закончились сибирские чернозёмы. Холодная, не для пахаря почва. Куда бежим? Зачем? На какую работу? Грузим доски — значит на пустое место спешим. На зиму глядя. И пожалел старик, что Ирма вместе с сестрой не сошла в Ачинске. Дудинку прошли не задерживаясь. Река разлилась, словно море. Холмистый, без единого деревца, берег припорошен снегом. Льда на реке нет, но озёра блестят молодым ледком. По тому, как нервничает капитан (ему до морозов надо вернуться в Красноярск),

по тому, какой лес погрузили в Игарке: обзол, горбыль, кора да сучки — старик заключил, что плыть им ещё не близко, никто их там не ждёт. И для тех, кто решил их судьбу, две сотни немцев и латышей — всё равно, что эти доски на судне. Пропадут — не жалко.

Ещё в Красноярске дед одел семью в полушубки. На воде жарко не бывает. И наступивший жестокий холод, хотя пугал их, но не мучил. Не все были столь предусмотрительны. Безделушек набрали — о зиме забыли. Теперь за мазутную телогрейку отдавали последнее. Народ начал умирать от холода и истощения. К мёртвым привязывали припасённый на такой случай груз и топили в реке. Капитан спешил...

Ветер становился всё несноснее. На палубе обмораживались, в трюме и каютах мороз леденил пальцы, в летней обувке ноги коченели. Пароход стремительно летел в зиму. Все мысленно готовились к смерти. Дедушка рассказывал Роберту, что в день высадки на берег случилось неожиданное потепление. Ветер переменялся, всё вокруг засветилось, снег заблестел, вода покрылась тысячью зеркал. Навстречу южному ветру потянулись гуси. Летели над рекой клиньями и радостно кричали.

— Семьями летят, — позавидовал дед. И так захотелось ему ещё раз, хотя бы раз, побывать в своём доме. И чтоб семья была как раньше.

...плохо начинается — хорошо кончается...

В тридцати метрах от парохода, на снегу у воды стоял хорошо одетый военный с рупором в руке. Над ним, на откосе, небольшая рубленая избушка. Над крышей — красный флаг. Значит не баня — комендатура. И ничего больше вокруг — ни барачков, ни палаток, ни чумов. Снежная пустыня.

— Умрёшь, — думал дед, — никто могилу не выроет. Мерзлота как бетон, будешь валяться, пока звери не обглодают. Если здесь есть звери.

По тихим вздохам земляков, стоящих рядом, старик понял, что и они думают о том же.

— Эй, на берегу, — кричит капитан, — начинай разгрузку! Принимай людей! Забирай груз! Не могу ждать ни минуты!

Военный поднимает рупор:

— У меня пять лодок. Спускай десять человек...

— Ты, я вижу, не торопишься! Давно бы сам на воде был! Ждать не буду! Доски сброшу в реку!

— Тогда и людей сбрасывай! Они в снегу жить не будут.

Этот простой довод слышат все. Значит, есть у человека расчёт, а у них шанс на спасение. Переселенцы встряхиваются, оживают. Измученные, голодные, в большинстве больные, начинают двигаться, думать. Без крика и толкотни. Ни одна доска, ни один ящик не упал в воду. Человеческая толпа вытекла на берег и на снегу началась осознанная работа. К вечеру плотники закончили каркас длинного невысокого барака. Но чем будут накрывать крышу и закрывать стены — так никто и не понял. На четырёх лодках восемь гребцов притащили с недалёкого острова два десятка брёвен. В этом месте енисейская пресная вода встречается с солёной, и морские приливы завалили северную сторону островка плавником. Деду тоже дали лодку. Они с Ирмой, недалеко от берега, за два просмотра, взяли полтора центнера белой рыбы. Люди напилили дров, развели костры, варят уху. Как завтра — неизвестно, сегодня — жить можно.

Сколько Роберт помнит, дед никогда не говорил о людях ни слишком хорошо, ни слишком плохо. Изречёт: «Все мы люди...», — и на том подводит черту. Только о том военном, Иване Вавиловиче Баранове, когда вспоминал, голос его дрожал. Под трибунал пошёл человек, но людей спас. Из двухсот тридцати двух зиму пережили сто девяносто шесть. А погибнуть должны были все до единого.

...плохо начинается — хорошо кончается...

В тот день, у костра, решили латыши проверить характер коменданта. Бригадир плотников, отчаянного вида ломовик, спросил в упор:

— Ты чекист?

— Чекист, — спокойно ответил Иван Вавилович.

— Не боишься? Нас двести — ты один.

— Тебе мой пистолет нужен? — усмехнулся Баранов. — Зачем? Пулю себе в лоб пустить?! Думай, как выжить, смерть сама придёт.

Спокойствие Ивана Вавиловича несколько смутило латыша, но уступать ему не хотелось.

— Тогда объясни, почему мы строим барак на буграх и ямах, а рядом ровная площадка? Лишний кубометр досок тебе не нужен? Или у чекистов всегда так? (Он покрутил пальцем у виска.) Чем каркас накроешь? Что-то я у тебя в комендатуре брезента не видел.

— О брезенте разговор будет завтра. Ровно в шесть придёшь ко мне. И вы, Карл Оттович, — сказал он дедушке. — А на первый вопрос ответчу. Построить дом и под туалет бочку не поставить, значит через неделю всё засрём. А женщины письки отморозят, рожать не будут, — он встал. — До завтра!

Иван Вавилович придумал взять оленей на переправе через реку. Сейчас на Таймыре, во время осеннего отстрела, по этому методу работают все охотничьи бригады. Следуя вековому инстинкту, дикий олень каждый год мигрирует по одному маршруту. У нешироких, но достаточно глубоких рек оленей ждут охотничьи засады. Вожак входит в воду и плывёт в окружении эскорта из десяти быков. В эту группу стрелять нельзя. Вот олени на вашей стороне. Вожак стряхнулся, огляделся вокруг, призывно хоркает. Стадо, как очумелое, бросается по сигналу вожака в воду. Гремят выстрелы. Северный олень не тонет. Ворсинки меха наполнены воздухом. Вода окрашивается кровью. Туши, похожие на клочья грязной речной пены, плывут по течению вниз. На перекате или в узком месте их вылавливают, тут же ошкуривают. Может быть, Иван Вавилович сам придумал такую охоту, может, где-то видел. Или рассказал ему кто-то. Но план его удался вполне. Бригадир плотников, спортсмен-стрелок, чемпион Риги, не истратил зря ни одного патрона. За несколько часов было столько оленей убито, что шкур хватило не только на крышу и стены, но и пол ими застелили. Деду поручили делать сани. Людей сняли со всех работ. Путь от лагеря до переката стал похожим на дорогу от муравейника до скопища дровяных гусениц. Заложили тушами один холодный тамбур, потом другой. И вместе с рыбой, с попавшими в петли зайцами, с вонючими тушками песцов, которые тоже съедались, с птицей, прилетевшей в мае, и куропатками, которых ловили в сугробах силками, люди дотянули до навигации. Половина лишилась зубов. Люди пухли, умирали, замерзали, терялись в пурге, тонули в полыньях, но большинство дождалось первого парохода. На нём прибыли новые переселенцы. Выгрузили мешки с солью, деревянные бочки для засолки рыбы, солярку, пять небольших баркасов, ящики с консервами, мешки с мукой и сахаром.

Высокий усталый мужчина в кожаном пальто несколько раз обошёл вокруг барака. Зашёл внутрь, заглянул под здание.

— Такого чуда не видел. Молодец! — похвалил он Ивана Вавиловича. И вдруг резко повернулся к нему.

— Кто стрелял?

— Пакалнс. Латыш, профессионал, — не стал врать Иван Вавилович.

— И где он? Живой?

— К сожалению, умер.

— При каких обстоятельствах?

— Гнался за оленем. Попал в пургу, провалился в «линзу», отморозил ноги. Умер в бараке от гангрены.

— Повезло ему. Крупно повезло. Винтовку принёс?

— Принёс.

— Как же ты, Баранов, оружие своё боевое доверил врагу? Фашисту, боевику Урманиса. Не ожидал от тебя.

— Товарищ полковник, — сказал Иван Вавилович, — у всех у нас был один враг — холод и голод. Понимаю, допустил ошибку. Хочу искупить вину на фронте. Вот рапорт, — протянул он конверт полковнику.

— Не знаю, как фронт, но трибунал, я тебе, гражданин Баранов, гарантирую...
...плохо начинается — хорошо кончается...

Человек предполагает, Бог располагает. Кто-то думал: без ружей и сетей, без крыши над головой, без продуктов и тёплой одежды, в конце сентября и, тем более, в октябре, вблизи Карского моря люди не смогут прожить и недели. Но судьба решила по-своему. Цепочка случайностей, связанных между собой только промыслом Божиим, позволила ста девяносто шести человекам дожить до лета, до навигации. Карл Крафт догадался взять в неведомую дорогу рыбацкие сети. Капитан парохода как бешеный спешил в пункт назначения. В толпе переселенцев оказался снайпер. Олени пришли к реке с опозданием. Накануне отстрела, ночью, прибежав к переправе и не увидев следов стада, Иван Вавилович воздал хвалу судьбе: «А всё-таки Бог есть!»

И то, что на пути несчастных, замученных, преследуемых людей в трагический для них момент оказался бывший сельский учитель и председатель колхоза, без содрогания поставивший на карту собственную жизнь и спасший людей, — разве это не промысел Божий? Когда нам плохо и страшно, мы просим о спасении. И если оно происходит, мы говорим о Боге и о судьбе. Мы не задумываемся, зачем свершилось спасение, и так ясно. Чтобы нам было хорошо. Но если у нас душа в равновесии и вдруг случается непоправимая беда, мысленно мы обращаемся к Богу с вопросом — за что? И забываем задуматься — зачем?

Роберт часто задумывался: за что Бог отнял у стариков любимую дочь, лишил их разума? Какую заповедь нарушили? Возлюби ближнего своего, как самого себя? Разве не кормил дед весь лагерь рыбой? Не делился лишним куском, оставляя себе только необходимое? У него был один полушубок, одна шапка, одни валенки. Всех спасти он не мог. Господь не требует: умри сам — спаси ближнего. Дед был не сын Божий и даже не апостол. Простой человек. За что же он наказан? И зачем? Или Господь проверял его для какой-то высокой миссии на небесах? Что ж, дед сдал экзамен, не стал мстить за дочь. Не порадовал дьявола. И жениху Ирмы не разрешил сжечь комендатуру. А может, через судьбу деда дан знак его потомкам: стремитесь — и сбудется. Сил у вас хватит!

...плохо начинается — хорошо кончается...

Между арестом Ивана Вавиловича и гибелью Ирмы было пять навигаций. Закончилась война. Построили ещё три барака. Переселенцев много не прибавилось. Прежней скученности не стало. На берегу построили склады. Рыба взвешивалась и сдавалась. Часть шла в магазин, остальную увозили зимой самолётами. Летом рыбу солили, за ней приходили катера.

Комендатуру вынесли за посёлок. Дом срубили как крепость. Жили в нём семеро военных. Милиция или пограничники — понять было трудно. Присутствовали при загрузке морских судов и самолётов. Проверяли документы. В комендатуре отмечались переселенцы. Без работы военные не сидели. Командовал капитан. Средних лет, среднего роста. Ничем не примечательный человек. Молчун. Удивляли только ноги. Даже дедушка, крупный мужчина, в сапогах капитана мог утонуть.

Эти сапоги без усталости носились по лагерю. По несколько раз в день капитан заглядывал в каждый барак. Кружил вокруг складов и магазина. Что-то вынюхивал в гараже и дизельной. За четыре года народ так и не привык к нему. При появлении его вздрагивали и настораживались. Капитан лично проверял почту. Сам он придумал для себя это занятие — или оно вменялось ему по должности, но в лагере все знали, что капитан прочитывает их письма и старались лишнего не писать.

Ещё в первую зимовку Иван Вавилович связался по радиации с товарищем из своего ведомства, и тот сообщил адрес старшей дочери. Дедушка написал Грете. Письмо сдал уже новому начальству и неожиданно получил его обратно. Сводная сестра бабушки нашла его в туалете капитана, где делала уборку. Больше дедушка Грете не писал. Но когда приносил коменданту рыбу, тот беззастенчиво и лицемерно сочувствовал: «Что-то дочь не пишет?» Дед искал возможность передать письмо, минуя комендатуру, но такой случай не представлялся.

В декабре сорок седьмого года дедушка привёз с реки улов. Пять мешков сдал на склад. Полмешка Ирма взяла домой. Вторую половину дедушка понёс в комендатуру.

Комната капитана была закрыта. В казарме шумели. Все семеро, в том числе часовой с повязкой и капитан, босой, без сапог, играли в карты. Рыбе обрадовались. Под спирт нужна строганина. Пригласили к столу деда. Он отказался. Дома была одна бабушка. Ирма понесла рыбу жениху. Ждали долго. Вот и ночь. Ирмы нет. Почуяли неладное, вышли на поиски. Слабая с утра метель к ночи набрала силу. Видимости почти не было. Жених Ирмы поднял народ. Проверяли бараки. Искали в снегу. Следы замело. Пошли к комендатуре. Часового нет. У крыльца нарты. На них солдаты возят от проруби воду. Дед присел. Всмотрелся в снег. Слабо заметный след полозьев уходил к калитке. От калитки к берегу и дальше вниз. Ветер дул на реку. И на спуске, под берегом следы не замело. Кто-то в огромных валенках отступал к реке, шагая между полозьями. Пятками вперёд. Человек сдерживал нарты на склоне. В отпечатке валенка, слегка притоптанная, лежала Ирмаина голубая любимая лента для подбора волос! Дед бросился к проруби. Не снимая полушубка, ощупывал, пока рука доставала, лёд изнутри. Может зацепилась дочка за заструг? Вытащим. Откачаем. Не может она так просто исчезнуть. Вода только сверху казалась тихой. Рука чувствовала её мощное течение. Кто же удержится на такой быстрине? Но разве не он сам выдумал, что Ирма в этой чёрной воде? Надо бежать домой. Она уже дома. Как она будет смеяться над ним! Верить фактам было страшно. На лёд, рядом с дедом, упал Ирмин жених.

— Отец! Иди домой... Её уже нет. Они набросили на неё мешок. Изнасиловали в комендатуре. Сейчас крыса учит, что говорить прокурору. Отец! Просто так они не умрут. У нас был ребёнок, мы ждали дочку. Один выполз на крыльцо, мы зарыли его в снег и привалили брёвнами. Мы убьём их всех. Я сожгу их...

И бросился к лагерю.

Новая беда накатилась на деда. Он сам хочет убить их. Но прилетят на самолётах, не станут разбираться. Покосят всех из автоматов. И старых, и малых. Внутри русских ещё гремит война. Они готовы убивать...

Не ощущая мокрого полушубка, он дошёл до комендатуры и прислонился к воротам. От лагеря бежали с топорами молодые парни. Жених Ирмы нёс ведро. Солярки в гараже предостаточно. Через час от комендатуры останутся только головешки. Дед поднял тяжёлые от налипшего льда руки.

— Стойте! Ирма — моя дочь. Именем Бога прошу вас, не множьте смерть!

И только сейчас осознал, что дочери у него больше нет. Он сел на снег. Домой его привели, как пьяного.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Первой стала терять рассудок бабушка. Она выдумывала сны.

— Видела Ирму. С ребёнком. Подплыла к нашим сетям и запуталась. Иди, Карл, проверь сети.

Дед зовёт кого-нибудь из молодых и идёт на реку. Рыбы много. Почитай, в каждой третьей ячейке по муксуну. Широкие, горбатые. До четырёх килограммов весом. Нитка забита морскими ракушками. Выбирает дед сеть и каждый взмах для него как пытка. Всё ждёт: вдруг, и вправду, маленькую девочку с сетью поднимет. Или в лунке лицо Ирмы покажется. Рыбу на лёд бросает, сеть чистит по привычке. И новый взмах и новая пытка. Две сети проверит — как будто неделю по тундре отшагал. Рыбу дед не берёт. Не едят теперь старики рыбу. И от этих сетей им одно только горе. Поговорили люди в бараках. Предложили хорошую цену. Продал дед сети.

Но на этом бабушкины сны не закончились. Стали ходить по родственникам и знакомым. Послушают новости. Попьют чай. А потом: «Были на реке? Сети проверяли? Не погадался вам ребёнок? Маленькая девочка? Женщину в реке не видели?» Мороз идёт у людей по телу. Женщины за занавеской прячутся, чтоб старики слёз не видели. Как-то зашли к приёмщице рыбы: «Тебе, Татьяна, девочку маленькую не сдавали? А Ирму нашу? Она крупная. Можно принять за нельму». Татьяна чуть в обморок не упала.

Так дожили до тепла. Появились забереги. И река очистилась. Пошли вверх по Енисею американские лесовозы в Игарку. С грузом возвращаются — их на лодках местные встречают. Предлагают шкуры, икру, балык. Что охотникам надо? Винчестеры, патроны, радиотовары, тёплые лёгкие куртки. Идёт торг на воде. Товарами и заказами люди обмениваются. И все довольны.

Приснился бабушке сон. Сказала ей Ирма: «Оденьтесь с папой, как местные. Садитесь в лодку, скажите, что больны. Вас американцы на корабль поднимут. Расскажите им, как вы страдали. Есть тёплые острова в Америке. Там спокойнее». Дед подумал: «План хорош. Может, и вправду с Ирмой повидаемся. Надо попробовать. И время есть. После Победы переселенцы отмечают в комендатуре один раз в месяц».

Незаметно взяли лодку. Пошли вниз вдоль берега. Через два часа были в стойбище ненца Яптунэ, рыболова и оленевода. Деда в стойбище знали. Говорили: «Карл — большой рыбак, большой плотник, большой механик и большой колхозник». Если в лагере к снам бабушки относились как к сумасшествию, то ненцы выслушали её с пониманием. Ничего удивительного. Есть Бог воды. Царь подводного мира. Когда человек тонет, значит, Бог зовёт его к себе. Обидеть Бога — навлечь беду на весь род. Брат должен притопить брата, выпавшего из лодки, отец — сына, сын — отца. Дочь Карла была красивой бабой. Бог забрал её в жёны. Она сейчас богато живёт. Они долго всматривались в фотографию Ирмы и пообещали старикам, что всё сделают, как те просят. А если увидят в воде белую женщину, выполняют любую её просьбу.

На следующий день встречали лесовоз. Дед забинтовал руку. Бабушка голову. Как будто у неё болят зубы. В одежде из шкур они ничем не отличались от хозяина лодки. Опустили трап. Старики поднялись на палубу. Как договорились, лодка сразу ушла к берегу. Молодой матрос сделал знак: молчать! «Доктор делай, торговать не делай», — сказал он тихо и показал глазами в сторону. К ним шёл человек с военной выправкой.

— Я представитель Советского государства. Кто вы такие?

Дед снял шапку.

— Я, сынок, немецкий переселенец.

— Что вы хотите?

— Уплыть в Америку.

Военный внимательно осмотрел стариков и пригласил в каюту. Слушал, не перебивая.

— Всё ясно. Вы помните Баранова? — спросил у деда.
— Ивана Вавиловича? Прекрасно помню, — подтвердил дед.
— Его присудили к расстрелу. Помиловали и отправили в штрафбат. Хотя — что такое штрафбат, вы не знаете. Если я разрешу вам эмигрировать, меня тоже приговорят к расстрелу. А штрафбатов уже нет. Единственное, что я могу вам обещать — передать письмо дочери.

Он дал дедушке перо и бумагу. Дед написал Грете.

В детстве Роберт не один раз перечитывал эти странные строки. Дед сообщал, что они с бабушкой живы и здоровы. А Ирму бросили в прорубь солдаты. Теперь она живёт в реке или в море. Не исключено, что она стала женой морского царя. Ирма зовёт их на тёплые острова в Америку. Но их в Америку не пустили. Надо сообща подумать, как собраться вместе и уехать туда, где жить будет спокойнее.

Русский, как вспоминал дедушка, оказался неплохим человеком. О чём-то поговорил с американским начальством. Проводить стариков пришёл даже капитан. Все прощались с ними за руку. Спустили шлюпку. Нагрузили в неё коробки с одеждой и продуктами. Всё, что дали американцы, дедушка оставил в стойбище. Ничего им не было нужно, кроме воспоминаний о своей семье.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Письмо от Греты пришло неожиданно быстро. Сестра бабушки рассказывала, что комендант, когда читал письмо, бесновался, как дьявол. Потом смеялся как сумасшедший. Письмо он сжёг, но, так как был теперь всегда пьян, оставил недогоревший конверт. На нём — почерк Греты и адрес дедушки.

На следующий день деда вызвали в комендатуру. Лицо у капитана — багрово-синее от постоянных выпивок. Глаза красные. Взгляд — больного, заискивающего перед врачом.

— Скоро сдохнет, крыса, — подумал дед.

— Народ говорит, — врал комендант, — вы серьёзно больны. Я предлагаю отдохнуть, пожить в тишине, в уединении. На побережье бригада начинает промысел белуги. Дом на острове готов. Конечно, это не тёплые острова Америки, но всё же... Соглашайтесь, Карл Оттович. Присмотрите за молодыми. И нам спокойнее будет. Эрна Францевна поедет поварихой. За два сезона хорошо заработаете.

— Подумаю, — ответил дедушка.

Вечером, как всегда, отключили в лагере свет. Барак затих. Дедушка, как в молодости, нашёл под одеялом руку жены и своими пальцами обнял её пальцы.

— Надо согласиться, — сказал дед, — пусть Бог простит, но я у крысы снял со стены карту. Если идти за пароходом на восток, до границы четыре тысячи пятьсот километров. До полюса — полторы тысячи. Да от полюса до Америки, думаю, столько же. Это нам не под силу. А от острова до Норвегии, называется Шпицберген, всего тысяча четыреста. Три месяца идти на северо-запад.

— Я не дойду, — тихо прошептала бабушка.

— Я тебя не брошу, — сказал дед.

— Знаю, что не брошишь. Я согласна.

На следующий день дед пошёл к друзьям в стойбище. Ненцы посоветовали идти месяц строго на север. Потом — на запад.

— Ты идёшь — и лёд идёт, — пояснили опытные люди, — в море, бывает, в ноябре выйдешь — к середине зимы на место придёшь. В море умки много. Голодный не будешь.

Дали деду две пары нижнего белья из пыжика и две пары верхнего из камуса, унтайки, глубокие рукавицы и нарты. Лыжи он решил сделать сам.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Волею судьбы, в девяносто восьмом году Роберта как знатока тракторной техники вертолётом забросили на остров, где Крафты провели последние месяцы

совместной жизни. Остров был многоэтажный. Внизу — широкая песчаная прибрежная коса. На приливной волне покачивалась одинокая лодка. Выше — обширная терраса с жилым домом под крутым откосом. В иллюминатор Роберт рассмотрел только окна и крышу дома. Наверху — ровное плато. На нём — вездеходы, трактора, вертолётная взлётка. Опытным взглядом механика, проработавшего на Таймыре четыре десятилетия, он подметил большую отдалённость жилья от места работы. Зимой, в пургу, можно промахнуться и уйти чёрт-те куда, в Карское море. Об этом он сказал встречавшему его бригадари старателей, невысокому косолапому мужичку с чёрными от татуировок кистями рук.

— Понимаешь, дом перенести — так ловко стоит, — рассудил бригадир, — рядом ключ и не замечает. Для техники у дома место есть. Только — сам увидишь. Здесь немцы жили. Говорят, два старика. Такую красоту произвели, что я и в России не видел. Грешно такое ломать.

Действительно, спустившись с плато, Роберт замер. Дом окружали бесчисленные клумбы, отсыпанные плодоносной землёй. Ни одна из грядок не повторяла форму другой. Золотоискатели усадили удивительное поле диким луком, черемшой, укропом, редиской. Была даже грядка с картофелем. И всё зеленело.

Человек, пролетевший сотни километров над диким, голым, необжитым пространством, не мог не почувствовать, что здесь побывали неординарные руки и высокая душа. Невозможно было предположить, что такую работу за два коротких лета сделали тяжело психически больные старые люди. Роберт, знавший историю этого поля, подумал — это памятник Ирме! Дедушка рассказывал, как он высмотрел под горкой торфяной пласт. «Неплохо бы завести огород, — подумал, — надо посоветоваться с Эрной».

Бабушка увидела в случившемся перст Божий. Всё исполнится: семья соберётся вместе, Ирма с внучкой вернётся к ним, если они выполнят Его волю.

Дед приступил к добыче плодоносного грунта. Киркой откалывал куски мёрзлого торфа. Бабушка грузила их на волокушку, сделанную дедом из листа жести, и, впрягшись вдвоём, они тащили груз к дому.

Роберт был в дедовой штольне. Нынешние хозяева острова, догадливые на готовенькое, закрыли вход дверью — и получился прекрасный мерзлотник. Замка не было. Роберт вошёл. Высота — пригнуться не нужно, потолок — полукругом, с обеих сторон — полки, между ними — узкий проход. Смерил длину шагами. Больше десяти метров. Удивительно, на что способен человек! Дед называл штольню ямой, огород — цветочницей. Никогда не приукрашивал свой труд, даже скромно принижал его. Ещё одно своё изобретение называл уменьшительно — воротком. Оно тоже сохранилось на острове. На берегу бухты, на высоких опорах настелен бревенчатый помост. Над помостом хитроумно закреплён деревянный круг, напоминающий барабан для перевозки электрокабеля. Солнечные часы? Следы прошлых цивилизаций? Золотоискатели никак не могли определить предназначение этого сооружения. Всё объяснялось просто. Охотники били белух. Вытащить на сушу полутонную тушу им было не по силам. Рубили в воде топорами. Вода от крови становилась красной, как отражение заката. Смотреть на это для дедушки было невыносимо. «Мы люди, — думал он, — и для нас видеть муки, кровь и смерть людей тяжело. Ирма живёт среди рыб. Она для них как сестра. Горько ей видеть такое». Для стариков мысли о дочери и внучке стали наваждением.

— Конечно, — думал дед, — остановить убийство ему не по силам. Но сделать что-то, чтобы в море меньше лилось крови, он должен.

С упорством обречённого собирал дед на берегу выброшенные приливом брёвна. Он построит ручной ворот, и четверо молодых мужчин смогут легко поднимать зверя на разделочную площадку.

Так случилось, Роберт не удержался, признался, что он внук тех немцев, что жили в этом доме. И рассказал всё, что знал о жизни Карла и Эрны на этом острове. Суровые мужики, в большинстве знающие, что такое рискованная жизнь, горе и несвобода, молча слушали его.

— Если можно, — попросил Роберт, — хочу побыть в комнате деда один. Одну ночь.

Бригадир, ни слова не говоря, встал и вынес из маленькой комнаты свои вещи.

Железных коек было две. Над одной из них от того времени осталась вышивка на полотне: веночек и готическим шрифтом изречение из Библии. Это, конечно, койка бабушки. Дед, уходя на Шпицберген, не снял вышивку со стены. Чтоб слово Божие и впредь помогало всем живущим в этом доме. Значит, и он не возьмёт эту память о бабушке. Роберт вспомнил рассказ деда о последнем её дне.

Белухи долго не было. Трое истомившихся охотников ушли за оленем, за гусем — что попадётся. Старики, натаскавшись волокуш, отдыхали. Обоих одолевали нелёгкие мысли. Внезапно в комнату ворвался оставшийся в доме охотник:

— Зверь в бухте! Карл Оттович, выручайте!

Один в море он идти не мог. Дедушка отрицательно качнул головой. Все знали, что он дал зарок не рыбалить и не охотиться на воде. Сесть на вёсла вызвалась бабушка. Набросив телогрейку, натянув сапоги (другой одежды у неё не было), она вышла из дома. Но вернулась. Забыла гребёнку. В работе волосы выбьются из-под платка. Поискали гребёнку и не нашли.

— Плохо будет без неё, — сказала бабушка на ходу и ушла к берегу.

Дед наблюдал, как удалялась лодка. Вот она уже далеко, где мелькают над головой тёмные спины. Охотник встал. Поднял карабин. Сейчас над водой полетит звук выстрела. И вдруг второй человек поднялся. Ветер донёс далёкий крик:

— Ирма-а-а!

Бабушка взмахнула руками и бросилась в море. Охотник присел. Лодка завертелась на месте. Больше никто не видел его Эрну.

— Немало жило людей в этом доме, — подумал Роберт, — но если попробовать — вдруг найду...

И он стал внимательно осматривать комнату. Гребёнка лежала за ножкой кровати. Старинная. Полукругом. Матового цвета с жёлтыми пятнами. Между зубьями остался небольшой пучок седых волос. Осторожно снял его. Завернул в газету. «Положу на могилу деду, — подумал, — а без гребёнки бабушке плохо.» Пошёл на берег и, как мог далеко, забросил её в море.

...плохо начинается — хорошо кончается...

В сентябре катер за охотниками не пришёл. Отзимогорили. Задержались ещё на сезон. А дедушка вызвался остаться ещё и на зимовку. Он готовился к побегу. Солил, вялил, молот на мясорубке оленьё мясо. Мешал с жиром и костным мозгом. Запасал топливо. На тонкие пряди распустил пеньковую верёвку. Напитал соляной. Закатал в нерпячий жир. Нарубил свечек. На судке из жести укрепил консервную банку. С дырочками для поддува. Свечу поставил в банку. Сверху кружку с водой. Десять минут — и вода согрелась. Немного — всего стакан. Но руки и душу согреть можно. С нартами пришлось повозиться. В торосах удобны узкие и длинные. Те, что сделали в стойбище, не годились. Дедушка сладил новые. На кухне стояли ящики из слоёной американской фанеры. В них привозили консервы. Фанеры хватило на небольшую пирогу. Фанеру обтянул шкурой нерпы. Лодку поставил на полозья. Обручами от бочек «подкова́л» сани. И тоже «обул» в мех. Нагрузил. Нарты едут и не тонут.

Дедушка всегда опасался отморозить на реке лёгкие. Особенно волновался за Ирму. Зимой на реке тихой погоды не бывает. Лёд понижает температуру на пять-десять градусов. Молодёжь такая неосмотрительная.. Для себя и дочери

дед придумал и скроил маски. Из овчины, мехом внутрь. Крепились как очки — петлями за уши. Маска прикрывала нос и щёки до глаз, подбородок до шеи. У рта — узкая прорезь. В самый жестокий мороз дед с Ирмой дышали тёплым воздухом. Мех не примерзал к коже. Ирма вначале отказалась примерить маску. Потом, хохоча, надела. Ради маскарада. Они с отцом смотрели друг на друга, как две обезьяны. Ирма хрюкала. Дед порыкивал.

— Папа, давай поцелуемся, — предложила Ирма.

Потянулись друг к другу, не рассчитали и стукнулись носами. Даже бабушка, всегда серьёзная, рассмеялась.

— Доченька, — думает дед, сшивая новую маску, — я так хотел, чтобы не мёрзли твои веснушки.

Последние годы с рассудком дедушки происходило нечто странное. Всё, что касалось конкретных хозяйственных дел, продумывалось и делалось дедом, как всегда, тщательно. Со свойственным ему учётом всех обстоятельств, со следованием логике и здравому смыслу. Но неожиданное исчезновение дочери, образовавшаяся беспредельная пустота, жестоко травмировали психику стариков.

Тот участок мозга, который контролирует любовь, гордость, восторг, радость — уводил дедушку из реального мира в никогда ранее не свойственный ему мир грёз. Когда впервые бабушка сообщила, что Ирма запуталась в сетях и надо спасти её, у старика мелькнула мысль, чтостряслась новая беда. Теперь с Эрной. Но, поднимая сеть и всматриваясь в тёмное дно лунки, поймал себя на ощущении, что и сам ждёт-не дожждётся появления дорогого лица. Надежда с каждым днём глубже вращалась в его сознание. И он не хотел расставаться с ней.

Бабушкиным снам и домыслам теперь верил, как реальности. Видения трупа, в телогрейке и валенках, пожираемого огромными ненасытными енисейскими налимами, больше не посещали его. В мыслях старика Ирма с внучкой парили в голубой воде. Среди рыб и водорослей. В узорчатых длинных рубахах. Они сами были как рыбы. Им было лучше, чем на земле. Когда Эрна прыгнула в море, у деда только на долю секунды зародилось сомнение — пожалела... освободила... Потом мысль свернула на другую, проторенную тропку. Бабушка нужна Ирме присмотреть за внучкой.

— Видел ты мою дочь? — спросил он бледного после пережитого охотника, поднявшегося к дому. Тот знал о болезни стариков и соврал, глазом не моргнув:

— Видел.

— Звала старуху?

Охотник вытянулся на цыпочках, призывно поднял руки:

— Звала... вот так...

Старик улыбнулся:

— Теперь они счастливы.

...плохо начинается — хорошо кончается...

В конце октября у деда появилось твёрдое убеждение, что кто-то наблюдает за ним, и как только он спустится к морю в полном сборе, тот немедленно остановит его и сдаст властям. Дед ждал пургу. Относительно тихая погода и сорокоградусный мороз стояли полторы недели. Потом температура стала резко повышаться. За сутки дошла до минус десяти. Окружающая тишина наполнялась шуршанием снега. Позёмка полетела по льду белыми лентами. Ветер поднял снег выше окон и окончательно закрыл доступ свету. Отдельных порывов ветра уже не было. Пространство выло и гудело непрерывно. Всё обещало чёрную пургу. Сердце деда наполнилось радостью. В полной темноте, сносимый ветром, он спустился в залив и пошёл на север. Ветер дул в спину. Нарты раз за разом оживали, догоняли его и били в ноги. Дед прибавлял шаг. Снега вокруг было столько, что временами не хватало воздуха и он задыхался. Но шёл и шёл, потеряв счёт вре-

мени и желания остановиться у него не было. Пока не упёрся в торосы. Перевалив через несколько гребней, решил отдохнуть. Ночь была не только вокруг, но и на бабушкиных часах. Установил вешки. Прислонил лыжи к гребню, набросил сверху оленью шкуру. Ножовкой напилел настных кирпичей. Обложил миниатюрный чум. Внутри расстелил другую шкуру. Привязал к ноге потяги нарт. Положил рядом купленный у охотников карабин и, счастливый, уснул.

Компаса у дедушки не было. Его заменяли две полутораметровые вешки с обожжёнными на костре концами. Такими, издалека приметными, знаками охотники метят в тундре капканы. На стоянках он ставил вешки так, чтобы прямая, их соединяющая, сохраняла направление на север.

В тундре Роберт не раз наблюдал, как гибнет человек, потерявший ориентир. А вместе с ним наблюдательность и самообладание. Не придёт на помощь случай — и находят труп, объединенный песцами. Во льдах и океане единственный ориентир — звёзды. В звёздах дедушка не разбирался. Он доверял вешкам и своему упорству. Тридцать дней он будет идти строго на север. Его спасла болезнь. Он не боялся ледяной бесконечности, как лунатик не боится ходить над пропастью. На шестой день торосы закончились. Далеко впереди, в сумрачном пространстве полярной ночи, появилась густая, более светлая полоса.

— Парит. Разорвало льды, — понял дедушка, — выдержит ли лодка его и груз?

До трещины шёл долго. И вышел к фарватеру, пробитому недавно прошедшим ледоколом. Стометровой ширины борозда завалена вздыбившимися льдами. Большинство льдин засыпаны снегом. Старый это снег или новый, наметённый, дед не понял. Нигде между льдинами воды не было. Но над фарватером стоял туман. Дед взял вешки, рюкзак, карабин, лыжи и топорик и стал переправляться. Нарты остались как ориентир направления. Переполз одну льдину. Поднялся на другую. Заметил большой обломок льда. Напрягся, скатил вниз. Обломок проломил внизу тонкий лёд. Ледокол прошёл недавно. Дед по опыту знал, что на каждом судне может оказаться представитель органов. Судьба его пощадила и на этот раз. Перебрался на «другой берег». Поставил вешки и вернулся за нартами. Потом устроил чум, согрел воду, перекусил. Горячую кружку завернул во влажную маску. Вытер насухо лицо. Привязал нарты к ноге и провалился в сон.

К очередному фарватеру дед пришёл через две недели. Здесь лёд был вспахан в начале зимы. Перебраться на «другой берег», не разгружая нарты, не удалось. Северная сторона превратилась в крутой ледник. Дед принялся топорм вырубать ступени. Вырубал основательно, на полную ступню. Груз поднял. Стал поднимать нарты. Соскользнула рука. Нарты, как маятник, качнулись. Развернули деда. Он не удержался и оборвался вместе с нартами. Ударился о лёд головой и потерял сознание. Когда очнулся, долго не мог вспомнить, кто он такой, где он. Медленно приходил в себя, с удивлением рассматривал льдины, нарты, ступени на льду. И вдруг всё вспомнил с неожиданной ясностью. Лагерь, гибель Ирмы, остров и Эрну, летящую в море. И то, что он лежит на дне глубокого ледяного рва и скорее всего погибнет, тоже осознал. Не лучше ли быстрее подняться наверх и застрелиться. Господи, за что? И вспомнил лагерь. Первый пароход в сорок втором году. Все на берегу. С конвоем идёт арестованный Иван Вавилович. Люди опустили головы. Прощаются. У женщин на глазах слёзы.

А вот они с Ирмой в ту страшную зиму тащат по Енисею сани с рыбой. Далеко, у другого берега, чёрная точка. Он видит плохо. Ирма присматривается: человек. Ползёт! Сбрасывают рыбу на снег. Спешат. Это латыш. Весь как кусок льда. На шее, на ремне, винтовка. Руки, ноги — не гнутся. Грузят его на сани. Что-то хочет сказать. Ирма склоняется к губам: «Не теряйте... винтовку... Вавилича... расстреляют...»

В бараке постелена последняя шкура. Народ сидит плотно. Тихо. Только снаряды начинает распеваться пурга: у-у-у!.. Сейчас сорвёт шкуру. Перевернёт барак.

Хорошо, что он догадался поставить укосы. Оу-оу-оу!.. Ничего у ветра не получается. Мало-помалу, всё шире, громче и веселее в бараке начинает звучать русская, немецкая, латышкая речь. Был святой день спасения. Бог милостив!

Дед сел. Пополз к ступеням, вытащил нож. Загоняя его в трещины, пошёл по ступеням вверх. Поднял нарты. Упаковал груз. Наклоняться было больно. Голова кружилась. Сколько он был без сознания? Кровь под шапкой налипла сухим коржом. Вешки в глазах двоились и плясали. Что-то плохо он видит. Определил направление и пошёл... на запад, к Новой Земле...

...плохо начинается — хорошо кончается...

По расчётам деда, шли тридцатые сутки побега. Завтра он повернёт на запад. Произвёл ревизию провианта: полпуда фарша, три банки американской сгущёнки, сто три свечи, два литра солярки, семьдесят два патрона. Три патрона пришлось истратить. Отгонял покушавшихся на нарты медведей. С самого начала он допустил оплошность. Смазал лодку нерпичьим жиром. И свечи были в этом жиру. Зверь издали слышал желанный запах и шёл за дедом по пятам. Два раза удалось прогнать медведей криком, свистом и ударами топорика об алюминиевую кружку. Три раза он стрелял. Зверь встречался всё чаще. Шёл попутно с ним. Как думал дед, на север. Начиная понимать окружающую его ледяную пустыню, дед сделал вывод: впереди есть открытая вода. Через несколько дней он действительно увидел первую трещину. И, хотя это была всего лишь извилистая черта на льду, дед приготовился встретиться с более серьёзным сюрпризом. Черта уходила в торосные поля. Дальше, у горизонта, над торосами висели полосы тумана.

В мире ещё не придумали аттракцион, равный по сложности передвижению с гружёной нартой в торосах. Тем более, что дед старался сохранить направление. Приходилось тянуть нарты руками, ползти с ними по снегу и льду, перетаскивать груз через льдины на руках. За день он прошёл не более двух километров. Заметил ещё несколько трещин. Таких же, как и первая, почти незаметных в снегу. Потом торосы снизились, стали как невысокие круглые холмики. Идти было легче. Дед решил пройти ещё немного. А вот и первая широкая полынья. Около метра в ширину. Он использовал нарты как мостик. Когда возился у полыньи, заметил мелькнувшую из-под льда косматую мордашку и любопытные круглые глазки. Он знал, что это нерпа. Но подумал про Ирму. Преодолев трещину, дед зашёл за холм и присел по нужде. Из торосов вышел матёрый медведь. Лёг на край трещины. Лапой прикрыл морду, другую опустил в воду и замер. От снежного наноса не отличишь. И вдруг снежная гора резко взлетела вверх. Взмах опущенной в трещину лапы... Победный рёв. Нерпа с разодранным телом взмыла в воздух и упала на край льдины. Не успел медведь добежать до неё, как она перевалилась на бок и сползла в воду. Медведь замер над полыньёй, но протиснуться в тесную щель не отважился.

— Так и человека разорвёт, — в ужасе подумал дед и, не надевая порток, стал кричать на медведя. Тот, озлоблённый неудачей, взглянул на человека и сделал прыжок в его сторону. Дед успел схватить карабин и выстрелить. Медведь встал на дыбы. Дед выстрелил ещё раз и ещё.

— Ты убийца! — кричал дед.

Медведь лежал в пяти шагах и не шевелился. Дед побежал посмотреть, кого же убило это чудовище. Нерпы в воде не было. Лёд был в крови, но вода была тёмной. Почему она так близка теперь? Неужели прилив? Значит, рядом земля! Дед долго всматривался в густой туман впереди, ничего похожего на землю не видел. «Сколько брать мяса? Судя по всему, впереди широкие разводья. Вон как парит. Перегружу лодку. Хотя, можно перевозить по частям». Уложил в нарты окорок, отдельно — кусок на строганину. Неплохо бы попробовать жаркого. Утоптал снег,

поставил судок, на него сложил куски жира. Не пожалел, капнул солянки. Вешку приспособил под веретело. Недожаренное получилось мясо, но сырого вкуснее. ...плохо начинается — хорошо кончается...

По расчётам деда начинался декабрь. Зима вошла в силу. Мороз давил без жалости по всему живому. Первый этап побега кончен. Дед решил следующий день отдыхать. Подкормиться у медвежьей туши. Как всегда, прежде чем лечь, установил вешки, привязал к ноге нарты. Среди сна почувствовал, что медленно опускается вниз. Потом ощутил натиск ветра на стены «чума». Выглянул наружу. Лёд вокруг слабо потрескивал. Пошёл к медведю, нарубил ещё мяса. Решил осмотреть трещину: не увеличилась ли? Трещины не нашёл, осталась малозаметная трещинка на льду.

— Был отлив, — догадался дед, — и льды сомкнулись.

Поднялся на невысокий торос. Ветер угнал туман. В трёх часах хода, впереди, была земля. Берег обрывистый, грозный, на самой верхушке — силуэт избы.

— Если изба промысловиков, — подумал дед, — она может быть пустой.

Достал часы. Скоро полдень. Час стоял на торосе, стараясь высмотреть какое-то движение вокруг избы. Ничего не заметил. Собрал нарты, пошёл к берегу.

— В отлив, — думал дед, — перетащу в избу всю тушу. Путь ещё долгий, патроны надо беречь. Подремонтирую нарты, сменю полозья, почию одежду. Растрепались унты...

Из дверей избы выбежали два человека с ружьями. Солдаты!!! Спускаются на лёд:

— Руки! Кто такой?

В тот год на Новой Земле высадилось много военных. Большинство жило на юге и в центре острова, где предполагалось провести сверхсекретные работы. На север, куда вышел дед, направили небольшую группу пограничников. Если бы у деда был бинокль, он заметил бы, что дом собран из казённых блоков. Такими материалами охотники не пользуются. Хотя — и в этом случае судьба его была предreshена. У пограничников были мощные бинокли. Они заметили его ещё тогда, когда он убил медведя. И слышали выстрелы.

Первым допрашивал деда нестарый ещё лейтенант с жалостливыми глазами. Хмурился, старался быть строгим, но это у него не получалось.

— С этим можно разговаривать, — решил дед и рассказал ему всё без утайки.

Лейтенант рассматривал сидящего перед ним старика.

— Похоже, сошёл с ума, — решил он. — Сколько ему лет? Девяносто? Сто? Сам, как мертвец. А какие сказки плетёт: дочь утопили, жена сама прыгнула в море. Теперь живут как рыбы. За два месяца прошёл с Енисейского залива до Новой Земли. В декабре!!! Хотя — не с Северного же полюса он явился? На вид столетний, а какого медведя завалил и не дрогнул.

— Проясни, земляк, — старается быть серьёзным лейтенант, — жена в море, дочь в море. Зачем тебе себя истязать? Сиганул за старухой — и вся семья с тобой!

— Был разговор, — признаётся старик, — позовут — так прыгну. Мать позвала, мне не показывается. Кто-то должен на земле остаться, мало ли что...

— Почему на Шпицберген? Россия, что ли, мала?

— Россия нас побила. Ни за что. Мы никогда не будем жить как раньше.

— Ни за что, дед? Так не бывает! У тебя половина семьи утопла, а у меня сгорела. Вся. И тоже ни за что. За тобой завтра прилетят. Подлечат. Не будешь болтать лишнего, к дочери отправят. А мне куда деваться?

Роберт измерял дедушкин маршрут. По Карскому морю прошёл он почти пятьсот километров. Было ему тогда семьдесят четыре года.

...плохо начинается — хорошо кончается...

Роберт не может остановить разбежавшуюся память. Наконец уснул. Но спать пришлось недолго. Разбудил внук.

— Дед, ты спишь?

— Сплю.

— Ты приехал?

— Приехал.

— Встречаю тебя второй день.

— А в школу кто ходит?

— Сегодня воскресенье. Дед, подари ружьё.

Роберт открыл глаза.

— Зачем?

— Я волков видел. У Сухого ручья.

— И что?

— Сидел на дереве.

— А волки?

— Стояли вокруг, крутили хвостами.

— Это не волки — собаки.

— Я тоже думал — собаки, стал слазить, а один как бросится! Чуть не стянул меня с ветки.

— Дикая собака хуже волков. Не верь, если хвостом крутят.

— Подаришь ружьё?

— Придётся.

— Спи, дед. Первое слово дороже второго.

Ошарашенный Роберт сел на кровати. Он думал:

— Внук — ребёнок, но проснулась горячая кровь Крафтов. Остаётся только молиться за него...

...плохо начинается — хорошо кончается...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Знаменитый путешественник Василий в детстве, в одиночку, поднимался на пики Кавказа. Потом были Северный Урал, Тянь-Шань, Таймыр, дикие хребты Дальнего Востока. В российской команде, идущей к Южному полюсу, был штурманом. Торил лыжню. Один раз доверился непрофессионалу. Некто «новый русский» привёз из Австрии в Норильск дельтоплан с двигателем. По просьбе милиции, он и Василий вылетели на поиски пропавшего в тундре человека. Облетели заданный район. Возвращались в гараж. Пилот не смог сбросить скорость, и они врезались в бетонное здание.

Василия Рыжкова на Таймыре помнят.

Роберт на пенсии. Живёт в Красноярске. Собирает документы для отъезда в Германию. Внук заканчивает школу. Бредит Севером. Тренируется в Саянах. Сам смастерил нарты. Иногда неделями живёт в тайге. Непройденных маршрутов на его век хватит.